

Валерий Антонов

**Сен-Жюст.
Человек за
монументом**

Валерий Антонов

**Сен-Жюст. Человек
за монументом**

«Автор»

2026

Антонов В.

Сен-Жюст. Человек за монументом / В. Антонов — «Автор», 2026

«Ангел Смерти», «чудовище», «фанатик» — так называли Луи-Антуана де Сен-Жюста. Самый молодой депутат Конвента, соратник Робеспьера, создатель Террора. Но кем он был на самом деле? Эта книга — попытка вернуть лицо тому, кого история превратила в монумент. От детства в Блеранкуре, где мальчик слушал отца-солдата о несправедливости, до ледяной речи на процессе короля. От полей сражений в Эльзасе, где он шёл в атаку с саблей, до кабинета Комитета спасения. Сен-Жюст отправлял на эшафот тысячи — и плакал над письмами матери. Он мечтал о тихом доме и девушке по имени Генриетта, на которой так и не решился жениться, боясь оставить вдовой. Он верил, что справедливость требует жертв, — и сам стал жертвой системы. Автор, потомок очевидцев, опирается на архивы. Он не судит и не оправдывает. Он показывает живого человека за бронзой и ложью. Трагическая история идеалиста, построившего гильотину вместо рая. История мальчика, который не плакал — даже когда его голова падала в корзину.

© Антонов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

АННОТАЦИЯ	5
ПРОЛОГ. ТЕНЬ, КОТОРАЯ ОПЕРЕЖАЕТ СВЕТ	6
ЧАСТЬ I. КОРНИ	9
ГЛАВА I. ПЕПЕЛ БЛЕРАНКУРА	9
ГЛАВА II. ОРАТОРИАНСКИЕ ПЕНАТЫ	13
ЧАСТЬ II. ПЕРВЫЙ ШАГ.	18
ГЛАВА III. «ОРГАНТ»: ПОЭМА ДВАДЦАТИЛЕТНЕГО БУНТАРЯ	18
ГЛАВА IV. ТРОПА К ТРИБУНЕ	22
ГЛАВА V. ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ — И ВСЯ ВЛАСТЬ	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Валерий Антонов

Сен-Жюст. Человек за монументом

АННОТАЦИЯ

Его имя стало символом Террора. «Ангел Смерти», «чудовище», «фанатик» — так называли его современники и потомки. Но кем на самом деле был Луи-Антуан де Сен-Жюст — самый молодой депутат Национального Конвента, ближайший соратник Робеспьера, человек, чьи речи переворачивали ход истории?

Эта книга — не апология и не обвинение. Это попытка вернуть человеческое лицо тому, кого история превратила в бронзовый монумент. От тихих улиц Блеранкура, где мальчик, мечтавший о справедливости, слушал рассказы отца — старого солдата, так и не ставшего офицером из-за отсутствия связей, — до колледжа ораторианцев в Суассоне, где он зачитывался Руссо при свете свечи. От скандальной поэмы «Органт», шокировавшей Париж, до ледяной речи на процессе короля: «Нельзя невинно царствовать. Всякий король — мятежник и узурпатор». От поля боя при Гейсберге, где он шел в атаку в первых рядах, до кабинета Комитета общественного спасения, где создавалась машина Террора.

Сен-Жюст был жесток. Но он был и нежен. Он отправлял на эшафот тысячи — и плакал над письмами матери. Он подписывал смертные приговоры — и мечтал о тихом доме, яблонях в саду и девушке по имени Генриетта, на которой так и не решился жениться, потому что боялся оставить ее вдовой. Он верил, что справедливость требует жертв, — и сам стал жертвой созданной им системы, взойдя на эшафот в двадцать шесть лет.

Автор — потомок очевидцев, чья семья хранила память о Сен-Жюсте, — опирается на сотни архивных документов, писем и протоколов. Он не судит и не оправдывает. Он просто показывает живого человека за монументом из бронзы и лжи. Трагическая история идеалиста, который хотел построить рай на земле, а построил гильотину. История любви, дружбы, веры и предательства. История мальчика, который не плакал — даже когда его голова падала в корзину.

ПРОЛОГ. ТЕНЬ, КОТОРАЯ ОПЕРЕЖАЕТ СВЕТ

I

Огонь полыхал всю ночь.

Я помню этот запах — горелого дерева, расплавленного стекла, мокрого пепла. Мне было семь лет, когда сгорел старый дом в Блеранкуре. Мой дед стоял на пороге и смотрел, как пламя пожирает чердак, где хранились фамильные бумаги. Он не плакал. Он просто смотрел — так смотрят на похоронах, когда уже выплакали все слезы заранее.

— Там были письма, — сказал он мне много лет спустя. — Письма Сен-Жюста.

Я тогда не понял, почему это так важно. Для меня Сен-Жюст был просто именем из учебника — одним из тех, кто гильотинировал короля и сам погиб на эшафоте. Монстр. Палач. Фанатик. Так говорили учителя. Так писали в книгах. Так шептались в Блеранкуре, когда кто-то случайно произносил это имя вслух.

Но дед думал иначе.

II

Он был старым, когда я родился. Его руки дрожали, когда он наливал себе вино. Но глаза оставались ясными — пронзительно-голубыми, как у того, чье имя он носил в себе всю жизнь.

— Они называют его чудовищем, — говорил дед, глядя в камин. — Но я видел, как он плакал над письмом своей матери. Я видел, как он смотрел на Генриетту — так смотрят на солнце перед тем, как закрыть глаза навсегда. Чудовища так не смотрят.

Дед никогда не рассказывал мне всего. Он говорил обрывками, намеками, точно боялся, что стены имеют уши — даже через полвека после того, как все кончилось. Но я запомнил главное.

Сен-Жюст был человеком.

Это кажется простой мыслью. Но в ней — вся сложность. Мы привыкли превращать исторических деятелей в иконы или в демонов. Мы не позволяем им быть людьми — со страхами, сомнениями, любовью, ошибками. Мы делаем из них памятники — холодные, бронзовые, бездыханные. А потом удивляемся, почему их поступки кажутся нам непостижимыми.

III

Но Сен-Жюст не был памятником.

Он был мальчиком, который родился в ночь с 24 на 25 августа 1767 года в маленьком городке Десиз и не заплакал, когда акушерка взяла его на руки. Он был сыном старого солдата, который получил крест Святого Людовика за семнадцать лет беспорочной службы, но так и умер капитаном, потому что не имел связей при дворе. Он был учеником ораторианского колледжа, который читал Руссо при свете свечи, спрятавшись под одеялом, и мечтал изменить мир.

Он был юношей, который в двадцать один год написал поэму «Органт» — непристойную, дерзкую, вызывающую — и отправил ее парижскому издателю с предисловием в одну строку: «Мне двадцать лет. Я сделал плохо. В следующий раз я сделаю лучше».

Он был депутатом, который в двадцать пять лет поднялся на трибуну Конвента и произнес речь, решившую судьбу короля. «Нельзя невинно царствовать, — сказал он. — Всякий король — мятежник и узурпатор». И зал, только что гудевший от споров, замер в тишине.

Он был комиссаром, который шел в атаку в первых рядах при Гейсберге, и солдаты, видевшие его с саблей в руке, говорили: «Ты хороший, гражданин Сен-Жюст. Ты настоящий».

Он был любящим сыном, который каждую неделю писал матери письма — нежные, почти детские. «Мама, молись за меня. Молись за то, чтобы я остался человеком». Он был женихом, который мечтал о доме и детях, но отложил свадьбу до окончания войны. Он был другом, который плакал, когда его товарища казнили.

IV

И он же был человеком, который отправил на гильотину Дантона. Который голосовал за смерть короля. Который создал систему Террора.

Как это совместить? Как вместить в одну жизнь — нежность и беспощадность? Как объяснить, что один и тот же человек мог плакать над письмом матери и подписывать смертный приговор?

Эти вопросы преследовали меня с детства.

В Блеранкуре имя Сен-Жюста было проклято. Не потому, что местные жители помнили его дела — они их не помнили. Они помнили страх, который передавался из поколения в поколение, как генетическая память. «Не произноси этого имени, — говорили матери детям. — Это имя приносит несчастье». Имя, которое когда-то заставляло трепетать Европу, стало здесь просто страшилкой для непослушных детей.

Но дед не боялся.

Каждое лето, когда я приезжал к нему, он водил меня к старому дому на улице Буржуа. Дом был пуст, окна заколочены, сад зарос. Но дед стоял перед ним так, будто видел призраков.

— Здесь он жил, — говорил дед. — Здесь он писал свои первые стихи. Здесь он сидел у окна и смотрел на дорогу — ждал вестей из Парижа.

Я не понимал тогда, почему это так важно. Я хотел играть, бегать, ловить стрекоз. А дед стоял неподвижно, и его глаза были такими же синими, как у того, кого он помнил.

— Он был моложе меня, когда умер, — сказал он однажды. — Двадцать шесть лет. Представь. В двадцать шесть лет он перевернул мир. А я в двадцать шесть только учился быть отцом.

Дед замолчал. Потом добавил:

— Они убили его, потому что боялись. Не его — того, что он мог сделать. Если бы он прожил еще пять лет, Франция была бы другой. Но они не дали ему пяти лет. Они дали ему только гильотину.

V

Прошли годы.

Дед умер. Дом сгорел. Письма Сен-Жюста — те, что хранились у нас, — превратились в пепел. Казалось, вместе с ними сгорела и последняя надежда узнать правду.

Но когда я начал копаться в архивах, когда я прочитал сотни протоколов, докладов, писем, когда я увидел, каким был Сен-Жюст на самом деле — не в учебниках, не в панегириках и не в памфлетах его врагов, — я понял, что дед был прав.

Сен-Жюст не был чудовищем.

Он был человеком, который слишком сильно любил свою идею. Он верил, что можно построить совершенное общество, если быть достаточно честным, достаточно жестким, достаточно непримиримым. Он ошибся. Но его ошибка была ошибкой человека, который хотел добра. Кто из нас не ошибался?

Он был одинок. Даже когда его окружали тысячи людей, даже когда его имя гремело по всей Европе — он был один. Друзей у него было мало. Тех, кто понимал его — еще меньше. Он знал, что враги плетут заговор против него, но не пытался бежать. Он ждал смерти — потому что смерть была для него избавлением от мира, который он не мог исправить.

И когда гильотина упала, он, говорят, улыбнулся.

VI

Эта книга — попытка вернуть ему человеческое лицо.

Не икону, не демона, а человека. Со страхами и надеждами, с любовью и ненавистью, с верой и сомнениями. Я хочу показать, что за монументом из бронзы и лжи скрывался живой человек — и что его голос заслуживает того, чтобы быть услышанным.

Я не оправдываю его. Я не сужу его. Я просто показываю его — таким, каким он был. Таким, каким его помнил мой дед. Таким, каким он был, когда плакал над письмом матери.

«Они называют его чудовищем, но я видел, как он плакал над письмом своей матери. Я видел, как он смотрел на Генриетту — так смотрят на солнце перед тем, как закрыть глаза навсегда. Чудовища так не смотрят».

Мой дед был прав. Пришло время сказать это вслух.

VII

Я пишу эти строки в Блеранкуре — том самом городе, где он вырос. За окном — августовский вечер, яблони в саду, тишина. Если закрыть глаза, можно представить, что время повернуло вспять. Что сейчас откроется дверь и войдет он — молодой, бледный, с холодными голубыми глазами. Сядет за стол, зажжет свечу, возьмет перо. И начнет писать.

О чем? О справедливости. О Республике. О матери, которая ждет его дома. О девушке, которую он любит, но на которой боится жениться. О мире, который он хочет изменить.

Он не знает, что через несколько лет его объявят вне закона. Что его речи будут жечь на кострах. Что его тело бросят в общую яму и засыпят известью. Что его имя станет пугалом для детей.

Но он также не знает, что через двести лет кто-то будет сидеть в этом самом доме и писать о нем книгу. Книгу, в которой он — не монстр и не ангел. Просто человек.

Просто Луи-Антуан де Сен-Жюст.

Мальчик, который не плакал.

ПЛАМЯ, ЗАЖЖЕННОЕ В ПРОВИНЦИИ

ЧАСТЬ I. КОРНИ

ГЛАВА I. ПЕПЕЛ БЛЕРАНКУРА

I

Он родился в ночь с 24 на 25 августа 1767 года.

В Десизе, маленьком городке Ниверне, где дома лепились друг к другу, как испуганные овцы, а улицы пахли навозом и свежим хлебом. Роды были тяжелыми — Мари-Анн Робен, его мать, кричала так, что слышно было на рыночной площади. Акушерка вытирала пот со лба и шептала: «Крепкий мальчик. Но какой-то странный. Слишком серьезный. Он не плачет».

И правда — новорожденный смотрел на мир широко открытыми глазами, будто уже знал что-то, чего не знали другие. Будто уже видел то, что другим только предстояло увидеть через двадцать шесть лет.

Отец, Луи-Антуан де Сен-Жюст старший, вошел в комнату, когда все кончилось. Ему было пятьдесят лет — сутулый, с седыми усами и шрамами, о которых он никогда не рассказывал. На груди, поверх ночной рубашки, висел крест Святого Людовика — награда, полученная еще в 1758 году, после семнадцати лет беспорочной службы в кавалерийском полку Конти. Капитан. Не генерал, не полковник — просто капитан. Для небогатого дворянина без связей это был потолок.

Он наклонился над колыбелью и посмотрел на сына.

— Луи-Антуан, — сказал он тихо. — Будешь носить мое имя. Может быть, тебе повезет больше.

Мальчик смотрел на отца. И не плакал.

Через два дня его крестили в приходской церкви Десиза. Запись в книге была короткой: «Луи-Антуан-Леон де Сен-Жюст, сын благородного господина Луи-Антуана де Сен-Жюста, кавалера ордена Святого Людовика, и Мари-Анн Робен, его супруги». Никаких пышных церемоний. Никаких высоких гостей. Только священник, несколько соседей и мать, которая еще не оправилась от родов.

II

Детство Сен-Жюста было провинциальным — таким же, как у тысяч детей мелкопоместных дворян, которые едва сводили концы с концами. После выхода в отставку отец купил небольшой дом в Блеранкуре — два этажа, четыре комнаты, сад с яблонями — и жил на скромную пенсию. Денег не хватало, но он не жаловался. Он только рассказывал сыну о войне.

Каждый вечер, когда мать уходила на кухню, отец садился в кресло у камина, раскуривал трубку и начинал:

— Ты знаешь, как я получил этот крест? — он касался пальцами ордена. — В сражении при Зондерсгаузене. Пуля пробила плечо, я потерял сознание, но не бросил знамя. За это меня представили к награде. Знаешь, что мне сказал генерал?

Мальчик качал головой.

— Он сказал: «Ты храбрый солдат, Сен-Жюст. Но ты не из тех, кто делает карьеру. У тебя нет покровителей. Ты так и умрешь капитаном». — Отец усмехнулся — невесело, с горечью. — Двадцать лет я носил мундир. Двадцать лет проливал кровь за короля. И что я получил? Крест. А Франсуа-Анри де Монморанси, герцог Люксембургский, стал капитаном в семнадцать. Просто потому, что родился в нужной семье.

Маленький Луи-Антуан слушал внимательно. Он не перебивал. Он просто впитывал каждое слово.

— Мир несправедлив, — говорил отец. — Запомни это. Ты можешь быть честным, храбрым, умным — но если у тебя нет титула и связей, ты всегда будешь стоять на коленях.

Он показывал сыну семейный герб — лазурный щит с золотой шевронной полосой и тремя серебряными звездами. Герб был старым, но не знатным.

— Видишь эти звезды? — говорил он. — Они светят ярче, чем у иных графов. Но они не дают нам права даже на место за королевским столом. Запомни это.

Отец замолкал, глядя на огонь.

— Однажды, — говорил он, — однажды это должно измениться. Не знаю когда. Но если это случится, я хочу, чтобы ты был там.

Мальчик смотрел на отца. В его глазах загоралась странная искра.

— Я буду там, — отвечал он тихо. — Я сделаю так, чтобы это изменилось.

Отец не знал, что эти слова станут пророческими.

III

Мать была другой.

Мари-Анн Робен, дочь нотариуса из Десиза, вышла замуж по любви. Ей было двадцать три, ему — сорок шесть. Семья была против: жених немолод, небогат, без будущего. Но она настояла. Она верила, что честность и доброта важнее титулов.

Она родила ему троих детей — Луи-Антуана, а потом двух дочерей, Луизу и Мари-Виктуар. И она любила их всех, но сына — по-особенному. Было в нем что-то, что заставляло ее сердце сжиматься от тревоги.

— Он слишком серьезен, — говорила она мужу. — Дети его возраста играют, смеются, шалят. А он сидит в углу и читает. Он смотрит на мир, как будто уже видел его конец.

— Он умный, — отвечал отец. — Это хорошо.

— Это не хорошо, — качала головой мать. — Умные люди редко бывают счастливы.

Она была права. Но она не знала этого тогда.

От нее Сен-Жюст унаследовал меланхолию — ту самую, что делала ее взгляд таким далеким, а голос — тихим и печальным. Он унаследовал ее тонкие черты лица, ее бледность, ее склонность к долгому молчанию. Враги потом назовут это «холодностью». Друзья — «достоинством». Но на самом деле это была просто боль — та самая, которую мать вложила в него еще в детстве.

IV

Отец умер второго сентября 1777 года.

Это было неожиданно. Он был крепким, никогда не болел. Но однажды утром просто не проснулся. Мать нашла его в постели с открытыми глазами, смотрящим в потолок. Она не закричала. Она просто села на стул у кровати и заплакала тихо, беззвучно — так, как умеют плакать только женщины, которые уже потеряли все.

Сен-Жюст вошел в комнату и увидел тело.

Ему было десять лет и восемь дней.

Он стоял у порога и смотрел на отца — на человека, который рассказывал ему о войне, о несправедливости, о том, что мир нужно менять. Теперь этот человек лежал неподвижно, и его лицо было спокойным, будто он наконец-то нашел мир, которого искал всю жизнь.

Сен-Жюст не плакал.

Он подошел к кровати, взял отца за руку — холодную, неподвижную — и поцеловал ее. Потом повернулся к матери и сказал:

— Он не хотел, чтобы мы страдали. Он хотел, чтобы мы изменили мир. Я сделаю это.

Мать посмотрела на него с удивлением и страхом. В его голосе не было детской наивности. В нем была уверенность человека, который знает, что должен сделать.

— Ты еще ребенок, — прошептала она.

— Я уже взрослый, — ответил он. — Папа научил меня всему, что нужно знать.

Он вышел из комнаты. И в этот момент мать поняла: ее сын никогда не будет счастлив. Он был слишком большим для этого мира.

V

Похороны состоялись на следующий день, третьего сентября.

Было холодно, моросил дождь. Несколько соседей, несколько старых солдат из полка Конти, местный священник. Никаких речей, никаких церемоний. Священник прочитал заупокойную молитву и сделал запись в приходской книге Блеранкура:

«В год 1777, 3 сентября, был погребен на кладбище сего прихода благородный человек Луи-Антуан де Сен-Жюст, бывший капитан кавалерии, кавалер военного ордена Святого Людовика, скончавшийся вчера в сем приходе в возрасте шестидесяти лет».

Десятилетний мальчик стоял у края могилы и смотрел, как гроб опускают в землю. Мать, закутанная в черную шаль, молчала. Сестры плакали. Он — нет.

Он думал о том, что отец был прав. Мир несправедлив. И его нужно изменить.

Он поднял голову к небу — серому, низкому, бесконечному — и прошептал:

— Я не буду ждать справедливости. Я возьму ее сам.

Это была клятва. Не громкая, не торжественная — просто слова, сказанные шепотом под дождем. Но он запомнил их навсегда.

VI

После смерти отца семья оказалась на грани нищеты.

Пенсия капитана прекратилась. Доходов от небольшого имения едва хватало на еду. Мари-Анн продала фамильное серебро, потом — часть земли. Она экономила на всем, но никогда не жаловалась детям.

Сен-Жюст видел это. Он видел, как она тайком плачет по ночам. Видел, как она отказывается от ужина, чтобы хватило детям. Видел, как стареет ее лицо.

Это закалило его.

Он не просил игрушек. Он не жаловался на голод. Он просто читал — все, что попадалось под руку. Книги были его единственной роскошью, и мать, как могла, доставала их у соседей.

Через полтора года она приняла решение.

— Я не могу дать тебе образование, — сказала она. — У нас нет денег на учителей. Но есть колледж ораторианцев в Суассоне. Твой отец был кавалером Святого Людовика — это дает тебе право на стипендию.

Сен-Жюст смотрел на нее. Он знал, что это значит: она отдает его чужим людям. Расстанется с ним, возможно, навсегда.

Но он не возражал. Он понимал, что это необходимо.

— Я поеду, — сказал он. — Я сделаю все, чтобы ты гордилась мной.

Мать обняла его и заплакала. Он стоял неподвижно, чувствуя, как ее слезы падают ему на плечо. Он не плакал. Он не мог.

VII

Дорога в Суассон была долгой.

Октябрь 1779 года. Двенадцатилетний Сен-Жюст сидел в дилижансе и смотрел в окно. За окном проплывали поля, леса, деревни Пикардии — плоские, серые, бесконечные. Он никогда не уезжал так далеко от дома.

С ним ехала мать. Она держала его за руку и молчала. Она знала: это последний раз, когда они вместе. Когда она вернется в Блеранкур, дом опустеет.

Они проехали Нуайон, Компьень, Виллер-Котре. Сен-Жюст запоминал названия, дороги, лица. Он впитывал мир, как губка.

Колледж Сен-Николя стоял на холме, как крепость. Серые каменные стены, высокие окна с железными решетками, тяжелые дубовые двери. Монахи в черных рясах стояли у входа и ждали.

Мать обняла его в последний раз.

— Ты всегда был слишком большим для этого мира, — прошептала она. — Но здесь ты научишься быть сильным. Я верю в тебя.

Она села в дилижанс и уехала.

Сен-Жюст стоял у ворот и смотрел вслед удаляющемуся экипажу, пока тот не скрылся за поворотом. Потом повернулся к монаху, который ждал его с ключами.

— Я готов, — сказал он.

Монах кивнул и открыл дверь.

Сен-Жюст вошел внутрь, и тяжелая дверь закрылась за ним с таким звуком, будто захлопнулась крышка гроба.

VIII

Внутри было холодно и тихо.

Узкий коридор, запах ладана и старого дерева. Где-то далеко звучал хор — монахи пели вечернюю молитву. Сен-Жюст шел за провожатым, считая шаги. Он не оглядывался.

Его привели в дортуар — длинную комнату с рядами кроватей. Двадцать мальчиков, все в одинаковых черных сутанах, смотрели на новичка. Их глаза были пустыми, как у стариков.

— Твое место здесь, — сказал монах, указывая на койку в углу. — Подъем в пять тридцать. Молитва, потом занятия. Свечи гасят в девять. Вопросы?

— Нет, — ответил Сен-Жюст.

Он сел на койку и посмотрел в окно. За решеткой было видно небо — серое, низкое, бесконечное. Такое же, как в Блеранкуре.

Но дом был далеко. И возврата не было.

Он сжал кулаки.

— Я выживу, — прошептал он. — Я выживу и вернусь. И тогда я изменю все.

За его спиной монах закрыл дверь дортуара. В замке повернулся ключ. Сен-Жюст остался один среди чужих мальчиков, которые смотрели на него с безразличным любопытством.

Он лег на жесткую койку и закрыл глаза.

Завтра начнется новая жизнь.

ГЛАВА II. ОРАТОРИАНСКИЕ ПЕНАТЫ

I

Колледж Сен-Николя стоял на холме, как крепость.

Серые каменные стены, сложенные еще в шестнадцатом веке, высокие окна с железными решетками, тяжелые дубовые двери, которые закрывались с таким звуком, будто захлопывалась крышка гроба. Когда дилижанс остановился у ворот в тот октябрьский день 1779 года, двенадцатилетний Луи-Антуан де Сен-Жюст посмотрел на это здание и почувствовал, как сердце сжалось в груди.

Это тюрьма, — подумал он. — Я приехал в тюрьму.

Ораторианцы. Отцы из конгрегации Оратории Иисуса — не иезуиты, не бенедиктинцы. Они называли себя «служителями Истины» и гордились тем, что их устав запрещал телесные наказания. Никаких розог, никаких плетей. Вместо этого — пост, карцер, многочасовое стояние на коленях на каменном полу. И тишина. Бесконечная, давящая тишина, которая ломала волю вернее любой палки.

Мать стояла рядом, держа его за руку. Она была бледна и взволнована — Мари-Анн Робен знала, что оставляет сына здесь на долгие годы.

— Твой отец был кавалером Святого Людовика, — сказала она. — Это дает тебе право на стипендию. Помни об этом. Ты здесь благодаря ему.

Сен-Жюст кивнул. Стипендия для сыновей кавалеров ордена — шестьсот ливров в год. Этого едва хватало на содержание, но это была возможность. Единственная возможность.

— Я буду писать тебе каждую неделю, — сказала мать. — А ты будешь мне отвечать. Обещай.

— Обещаю.

Она обняла его, поцеловала в лоб и отступила. Ее глаза были влажными, но она не плакала — она знала, что он не выносит слез.

— Ты всегда был слишком большим для этого мира, — прошептала она. — Но здесь ты научишься быть сильным. Я верю в тебя.

Она села в дилижанс и уехала.

Сен-Жюст стоял у ворот и смотрел вслед, пока экипаж не скрылся за поворотом. Потом повернулся к монаху, который ждал его с ключами.

— Я готов, — сказал он.

Монах кивнул и открыл дверь.

II

Первый день был уничтожением.

Его отвели в маленькую комнату без окон. Там сидели двое монахов. Один держал ножницы. Другой — черную сутану из грубой шерсти, точно такую же, как носили они сами.

— Твой светский наряд не подходит для этого заведения, — сказал первый. — Мы должны сделать тебя таким же, как все.

Сен-Жюст не сопротивлялся. Он сел на табурет и закрыл глаза. Ножницы защелкали у его уха — длинные пряди волос падали на каменный пол. Он чувствовал, как с него снимают бархатную куртку, которую сшила мать, и надевают грубую рясу.

Когда он открыл глаза, то не узнал себя в маленьком оловянном зеркале. Коротко остриженные волосы, бледное лицо, мешковатая сутана, которая была ему велика. Он стал безликим. Одним из многих.

— Теперь ты один из нас, — сказал монах. — Запомни: подъем в пять тридцать. Утренняя молитва в часовне. Занятия с семи до полудня. Обед в двенадцать. Снова занятия до шести. Вечерняя молитва. Ужин. В девять — отбой. Свечи гасят, двери запирают. Вопросы?

— Нет, — ответил Сен-Жюст.

Он вышел в коридор, оставляя позади свои волосы, свою куртку и свою детскую наивность.

Я не буду носить эту одежду вечно, — подумал он. — Когда-нибудь я сниму ее. И надену то, что выберу сам.

III

Колледж был миром правил.

Каждый час, каждая минута были расписаны. Молитвы, уроки, еда, сон — все по звонку. Никакой свободы, никакого выбора. Даже мысли были под запретом — или, по крайней мере, их следовало прятать.

Дортуары не отапливались. Зимой температура падала так низко, что чернила замерзали в чернильницах. Мальчики спали, не снимая сутан, укрываясь двумя одеялами, но все равно дрожали до рассвета. Болели часто — простуда, лихорадка, чахотка. Каждый год кто-то умирал.

Еда была скучной: овсяная каша по утрам, хлеб с водой — в обед, жидкий суп — вечером. По пятницам и воскресеньям — рыба, часто тухлая. Мясо давали только по большим праздникам.

Но Сен-Жюст не жаловался. Он быстро понял: здесь выживают только те, кто умеет молчать. И он научился молчать.

Он выполнял задания, не спорил с наставниками, не нарушал правил. Он был идеальным учеником — покорным, прилежным, тихим. Но его глаза выдавали его.

Наставники видели этот взгляд — холодный, пристальный, оценивающий. Будто он изучал их, разбирал на части, искал слабые места. Это пугало их.

Особенно одного — брата Жозефа.

IV

Брат Жозеф преподавал латынь.

Он был высоким, сутулым, с лицом, похожим на маску из пергамента. Его руки вечно были холодными, а голос — скрипучим, как несмазанная дверь. Он носил четки с тяжелым железным распятием и любил перебирать их во время урока, медленно, ритмично, как метроном.

Ораторианский устав запрещал телесные наказания. Но брат Жозеф нашел обходной путь. Он не бил розгами. Он бил линейкой — по пальцам, по ладоням, по костяшкам. Или ставил на колени на рассыпанный горох. Или запирали в чулане без окон, где пахло плесенью и крысиным пометом.

С самого первого дня брат Жозеф почувствовал, что Сен-Жюст — не такой, как другие. Он не боялся. Он не плакал. Он смотрел — и в этом взгляде было что-то, что заставляло брата Жозефа чувствовать себя маленьким.

— Ты слишком горд, — сказал он однажды, когда Сен-Жюст ошибся в переводе Цицерона. — Гордость — это грех. Первый из смертных грехов. Ты должен быть смиренным.

— Я смиренен, — ответил Сен-Жюст тихо, не опуская глаз.

— Ты лжешь, — сказал брат Жозеф и ударил его линейкой по рукам.

Сен-Жюст не вскрикнул. Он не отдернул руку. Он просто смотрел — и в его глазах было не боль, не страх, а спокойное, ледяное презрение.

Брат Жозеф ударил еще раз — сильнее. Сен-Жюст молчал. Еще раз. Костяшки пальцев покраснели, вздулись, но он не издал ни звука.

— Ты будешь плакать? — спросил брат Жозеф. Его голос дрогнул.

— Нет, — ответил Сен-Жюст.

— Почему?

— Потому что слезы — это слабость. А я не буду слабым.

Брат Жозеф опустил линейку. На мгновение в его глазах мелькнуло что-то похожее на страх. Он понял, что этот мальчик не забудет. Не простит. И однажды — он не знал когда, но знал точно — он заплатит за каждый удар.

— Вон, — сказал он глухо.

Сен-Жюст встал и вышел из класса, держа избитые руки перед собой. Он не плакал. Он не злился. Он запоминал.

V

Отец Обри был другим.

Он преподавал риторику — сухой, педантичный старик с добрыми глазами и тихим голосом. Он никогда не кричал, никогда не бил, никогда не ставил на горюх. Он просто говорил — и его слова проникали в душу вернее любых наказаний.

Отец Обри первым заметил талант Сен-Жюста.

— У тебя острый ум, — сказал он однажды после урока. — Но склонный к парадоксам. Ты видишь мир не так, как другие.

— Это плохо? — спросил Сен-Жюст.

— Это опасно, — ответил отец Обри. — Люди боятся тех, кто видит иначе. Они будут бояться тебя. Но если ты научишься облекать свои мысли в правильную форму — они будут не бояться, а слушать.

Он дал Сен-Жюсту книгу — «Жизнеописания» Плутарха, в переводе Амио. Старую, потрепанную, с пожелтевшими страницами.

— Читай, — сказал он. — Здесь ты найдешь людей, которые жили так, как ты хочешь жить. И умерли так, как ты, возможно, умрешь.

Сен-Жюст взял книгу. Он читал ее ночами, при свете свечи, спрятавшись под одеялом. Ликург, спартанский законодатель, пожертвовавший всем ради идеального государства. Брут, убивший Цезаря во имя Республики. Катон, который предпочел смерть жизни под властью тирана.

Эти люди стали его героями. Его образцами. Его судьбой.

VI

Но главной книгой был Руссо.

В библиотеке колледжа, среди пыльных фолиантов, Сен-Жюст нашел «Общественный договор». Это было запрещенное издание — ораторианцы не одобряли женевого еретика. Но книга была там, спрятанная за рядами творений отцов церкви, и Сен-Жюст нашел ее.

Он читал ее при свете огарка, под одеялом, когда все в дортуаре уже спали.

«Человек рождается свободным, но повсюду он в оковах».

Эти слова жгли его, как огонь. Он перечитывал их снова и снова, пока не выучил наизусть. Он переписывал целые пассажи в тетрадь — мелким, убористым почерком, экономя бумагу.

«Общественный порядок — это священное право, которое служит основой для всех остальных. Но это право не исходит от природы; оно основано на соглашениях».

Вот оно — объяснение всего, что он чувствовал, но не мог выразить. Несправедливость, угнетение, тирания — все это не от Бога, а от людей. И если люди создали это, люди могут это изменить.

Он читал Руссо и видел перед собой отца — старого капитана, который никогда не стал полковником, потому что родился не в той семье. Видел мать, которая продавала серебро, чтобы накормить детей. Видел себя — мальчика в грубой сутане, запертого в холодном дортуаре.

Мы должны изменить мир, — думал он. — Но сначала мы должны понять, как он устроен. А потом — разрушить его и построить заново.

Он закрыл книгу и посмотрел в окно. За решеткой было видно небо — темное, бесконечное, усыпанное звездами.

Я освобожу вас, — пообещал он звездам. — Я освобожу всех.

VII

В 1783 году, когда Сен-Жюсту было шестнадцать, его вызвал к себе директор.

Отец Проспер был старым человеком с седыми волосами и усталыми глазами. Он управлял колледжем уже тридцать лет и видел тысячи мальчиков. Но этот мальчик был особенным. Он следил за ним все эти годы — и видел то, чего не видели другие.

— Садись, — сказал он, указывая на стул.

Сен-Жюст сел. Он не знал, зачем его вызвали, но не боялся. Он уже не боялся ничего.

— Я наблюдал за тобой шесть лет, — сказал отец Проспер. — Ты лучший ученик в этом колледже. Твой латинский безупречен. Твоя риторика великолепна. Ты усваиваешь знания быстрее, чем любой из твоих сверстников. Но у тебя есть проблема.

— Какая? — спросил Сен-Жюст.

— Ты не веришь в то, что мы тебе преподаем. Ты принимаешь наши знания, но не нашу веру. Ты не веришь в Бога.

Сен-Жюст молчал.

— Я знаю, что ты читаешь запрещенные книги, — продолжал отец Проспер. — Руссо, Монтескье, Вольтер. Я знаю, что ты не согласен с тем, что мы тебе говорим. Но я не собираюсь наказывать тебя. Я хочу сказать тебе кое-что.

Он встал, подошел к окну и посмотрел на город, раскинувшийся внизу.

— Из тебя выйдет либо великий священник, либо великий бунтовщик, — сказал он. — Я не знаю, кем ты станешь. Но я знаю, что ты будешь великим. Ты слишком умен, чтобы быть обычным человеком. Ты слишком страстен, чтобы быть смиренным. Ты будешь менять мир — или умрешь, пытаясь это сделать.

Сен-Жюст поднял глаза на директора.

— Я буду тем, кто сметет и священников, и королей, — сказал он тихо. — Я не буду ни слугой, ни пастырем. Я стану тем, кто даст людям свободу.

Отец Проспер долго смотрел на него.

— Ты даже не представляешь, чего это будет стоить, — сказал он.

— Я знаю, — ответил Сен-Жюст. — Я заплачу любую цену.

VIII

Он покинул колледж летом 1785 года.

Шесть лет — с октября 1779-го по август 1785-го. Шесть лет холода, голода, молитв и книг. Шесть лет, которые превратили мальчика в юношу, а юношу — в человека, который больше не боялся ничего.

Он стоял у ворот колледжа и смотрел на серые стены. Он не чувствовал ностальгии. Он не чувствовал благодарности. Он чувствовал только облегчение — будто с его плеч сняли тяжелый груз.

Отец Обри вышел проводить его. Старик был уже совсем седым, но глаза оставались ясными.

— Ты свободен, — сказал он. — Иди и делай то, что должен делать. Но запомни одно: мир не прощает тех, кто пытается его изменить. Он будет сопротивляться. Он будет ломать тебя. Он попытается уничтожить тебя. Но если ты будешь сильным — ты выживешь.

— Я выживу, — ответил Сен-Жюст.

— И еще, — добавил отец Обри. — Не забывай: когда ты разрушаешь старый мир, ты строишь новый. И то, что ты построишь, должно быть лучше того, что ты разрушил. Иначе ты станешь тираном, а не освободителем.

Сен-Жюст посмотрел на старого учителя. Впервые за шесть лет он почувствовал что-то похожее на благодарность.

— Я не забуду, — сказал он.

Он повернулся и пошел по дороге, ведущей из Суассона. В его руках была книга — «Общественный договор» Руссо, его Библия, его путеводитель по миру, который он собирался изменить.

Впереди был Блеранкур. Мать, которая ждала его. Дом, который он не видел шесть лет. И целая жизнь, которую он собирался прожить.

Он шел вперед, и в его глазах горел тот же холодный огонь, который видел брат Жозеф в тот день, когда он отказался плакать.

Он шел вперед, потому что знал: мир не ждет. Мир нужно менять сейчас. Или никогда.

ЧАСТЬ II. ПЕРВЫЙ ШАГ.

ГЛАВА III. «ОРГАНТ»: ПОЭМА ДВАДЦАТИЛЕТНЕГО БУНТАРЯ

I

В Блеранкуре было тихо.

Слишком тихо для человека, в котором кипела революция. Деревня спала по ночам, высыпалась с петухами, жила своей размеренной жизнью — урожай, скотина, налоги, молитвы. Никто не ждал конца света. Никто не верил, что мир может измениться за одно мгновение.

Но Сен-Жюст верил.

Он вернулся из Суассона в августе 1785 года — восемнадцатилетний юноша с дипломом колледжа, но без профессии, без денег, без связей. Мать постарела за эти годы. Сестры выросли. Дом на улице Буржуа стал еще беднее — стены облупились, сад зарос, мебель продана. Но он был дома.

Первые месяцы он не знал, чем заняться. Пытался изучать право в Реймсе — бросил. Слишком скучно, слишком душно, слишком много компромиссов. Вернулся в Блеранкур и погрузился в чтение. Руссо, Монтескье, Вольтер, Плутарх, Тацит — книги стали его единственной отдушиной.

А потом он начал писать.

Каждую ночь, когда все в доме затихало, он садился за маленький стол у окна, зажигал свечу и склонялся над бумагой. Он писал быстро, нервно, почти не задумываясь — будто слова рождались сами собой, будто кто-то диктовал их ему из темноты.

Он писал поэму.

Полное название заняло бы полстраницы: *«Органт, поэма в двадцати песнях, найденная в библиотеке Ватикана и переведенная с латыни господином де Сен-Жюстом»*. Это была мистификация — по моде того времени. Никакой древней рукописи не существовало. Все двадцать песен, все четыре тысячи строк были написаны здесь, в этой комнате, при свете оплывающей свечи.

II

«Органт» был сатирой.

Но не легкой, изящной сатирой в духе Вольтера, где порок высмеивается с улыбкой. Это была тяжелая, мрачная, почти непристойная сатира — будто Вольтера пропустили через мясорубку и приправили желчью обиженного подростка.

Сюжет был нарочито нелепым. Рыцарь-крестоносец Органт — образ, списанный с героев рыцарских романов, — отправляется в Святую землю. Но он не благороден, не храбр, не благочестив. Он глуп, похотлив и жесток. Его подвиги — цепь нелепых случайностей. Его добродетели — притворство. Его вера — суеверие.

Сен-Жюст вложил в эту поэму всю свою ярость. Ярость против монархии, против аристократии, против церкви, против лицемерия, которое он видел повсюду. Он писал о королях, которые забыли, что они люди. О священниках, которые проповедуют добродетель, а сами погрязли в разврате. О вельможах, которые кичатся титулами, но не имеют ни чести, ни совести.

Самые скандальные строки касались королевской власти:

*Он забыл по небрежности, я полагаю,
Что был человеком и стал лишь королем.*

*Но что с того? И что такое трон,
Как не простая глыба, на которой каждый может восседать?*

Для 1789 года — года, когда монархия еще стояла, — это был почти призыв к цареубийству.

III

Но самыми шокирующими были эпизоды насилия.

Сен-Жюст описывал их с ледяной, почти медицинской точностью. Вот нимфы кастрируют спящих рыцарей — сцена, которая заставила бы покраснеть даже бывалых читателей маркиза де Сада. Вот герой совершает насилие над женщиной, а автор описывает это с таким спокойствием, будто речь идет о разделке туши.

*Она кричала, но никто не слышал,
И небеса, глухие к ее мольбам,
Не разверзлись, не покарали злодея.*

Эти строки озадачивали критиков больше всего. Что это? Юношеская бравада? Подражание Вольтеру, который тоже не чурался фривольностей? Или что-то более темное — та самая «холодность», которую позже будут приписывать Сен-Жюсту его враги?

Возможно, он сам не знал ответа. Он просто писал — изливая на бумагу всю свою злость, всю свою боль, всю свою ненависть к миру, который он хотел разрушить.

Поэма была закончена в начале 1789 года. Сен-Жюсту был двадцать один год.

IV

Он отправил рукопись парижскому издателю Пьеру-Франсуа Дидо — племяннику знаменитого типографа. Дидо согласился напечатать книгу, но предупредил: «Будьте осторожны, молодой человек. Ваши стихи могут навлечь на вас неприятности. В них слишком много... смелости».

Сен-Жюст усмехнулся. Смелости? Он считал это честностью.

Книга вышла в мае 1789 года — в те самые дни, когда в Версале собирались Генеральные штаты, а на улицах Парижа уже пахло революцией. Тираж был скромным — несколько сотен экземпляров. Без имени автора на обложке. С предисловием, которое состояло из одной фразы:

«Мне двадцать лет. Я сделал плохо. В следующий раз я сделаю лучше».

Сен-Жюст держал в руках напечатанный экземпляр — плод двух лет ночной работы — и чувствовал странное волнение. Это была его первая книга. Первая часть его души, которую он отдал миру.

Он не знал, что мир ответит ему насмешкой.

V

Отклики пришли через несколько недель.

Они были убийственными.

Критики снисходительно похлопывали автора по плечу: молодо, зелено, мальчик старлся. Читатели не понимали его сатиры. Друзья советовали писать что-то более безопасное.

Но один отзыв задел его за живое.

Камилл Демулен — журналист, бунтарь, человек, который сам сжигал столбы своим пером — написал в своем журнале «Революции Франции и Брабанта» короткую, но язвительную заметку. Он процитировал эпиграф Сен-Жюста и добавил:

«"Вы, молодой человек, уже попрощались со здравым смыслом?" В таком случае я должен признать, что он действительно попрощался. И, кажется, навсегда».

Демулен назвал автора «варваром, который пишет стихи топором». Он высмеял и сюжет, и стиль, и саму идею поэмы. «Это не сатира, — писал он, — это клинический бред. Автор, кажется, сам не понимает, что он хотел сказать».

Сен-Жюст перечитал эти строки несколько раз. Его лицо оставалось спокойным, но внутри закипала холодная ярость.

Он смеется надо мной, — думал он. — Этот человек, который сам считается бунтарем, смеется над моим бунтом. Почему? Потому что моя правда — не его правда? Потому что я осмелился написать то, что он побоялся бы?

Он отложил журнал и подошел к окну. За окном был все тот же Блеранкур — тихий, сонный, равнодушный.

— Я поеду в Париж, — сказал он себе. — Я встречу с ним. И скажу ему все, что думаю.

VI

Но сначала он должен был решить семейную проблему.

Мать прочитала «Органта» и пришла в ужас. Не из-за политики — она мало интересовалась политикой. Из-за непристойностей. Из-за сцен насилия. Из-за того, что ее сын, ее Луи-Антуан, написал такое.

— Это позор, — сказала она. — Ты опозорил имя отца. Ты опозорил нашу семью.

Сен-Жюст выслушал ее молча. Он не спорил. Он знал, что она не поймет. Она выросла в другом мире, в мире, где честь семьи была важнее правды.

Мари-Анн попыталась скупить тираж. Она ходила по книжным лавкам, спрашивала экземпляры, сжигала их в камине. Но было поздно. Книга уже разошлась — ее читали в Париже, в Реймсе, в Суассоне. Имя Сен-Жюста уже было связано с ней.

Сын не остановил мать. Он просто продолжал писать — новую книгу, не поэму, а политический трактат. О том, какой должна быть Франция. О том, как построить справедливое общество.

Он назвал ее *«Дух Революции и Конституции Франции»*.

VII

В Париж он приехал в конце 1789 года.

Город был уже не тем, что он помнил. Революция изменила все. Улицы бурлили митингами, газеты кричали заголовками, люди носили трехцветные кокарды и спорили о правах человека. Воздух пах порохом и надеждой.

Сен-Жюст шел по бульварам и чувствовал, что он наконец-то дома. Это был его город. Его время. Его эпоха.

Он нашел Демулена в кафе на улице Ансьен-Комеди. Камилл сидел за столиком, окруженный друзьями, и что-то оживленно обсуждал. Ему было двадцать девять — на семь лет старше Сен-Жюста. Яркие глаза, быстрые жесты, голос, который перекрывал шум зала. Он был человеком, который умел говорить так, что люди слушали.

Сен-Жюст подошел к столу.

— Камилл Демулен?

— Да, а вы? — ответил Камилл, поднимая глаза.

— Луи-Антуан де Сен-Жюст. Автор «Органта».

Камилл улыбнулся — но в его улыбке было нечто такое, что заставило Сен-Жюста напрячься.

— А, поэт, — сказал он. — Тот самый, который пишет топором. Я читал вашу поэму. Присаживайтесь.

Сен-Жюст не сел.

— Я пришел сказать вам, что вы неправы. Моя поэма — не просто безумная дерзость. Это манифест. Это призыв к действию. Я хочу изменить мир, а не просто смеяться над ним.

Демулен поднял бровь.

— Изменить мир? — переспросил он. — Знаете, молодой человек, я тоже хочу изменить мир. Но революция — это праздник. Толпа, песни, танцы, разрушение старого и строительство нового. Это карнавал. Не нужно быть таким серьезным. Карнавал сам все сделает.

— Карнавалы кончатся бойней, — ответил Сен-Жюст холодно. — Я хочу, чтобы бойня кончилась карнавалом.

За столом на мгновение стало тихо. Друзья Демулена переглянулись. Камилл перестал улыбаться.

— Вы серьезный человек, — сказал он. — Это хорошо. Но помните: серьезность иногда убивает. Революция не терпит слишком серьезных людей. Она сжирает их.

— Я знаю, — ответил Сен-Жюст. — Но я готов быть съеденным, если это поможет освободить народ.

Он развернулся и вышел из кафе.

VIII

Он возвращался в Блеранкур, но уже не тем человеком.

Париж изменил его. Встреча с Демуленом изменила его. Он понял: стихи — это только начало. Слова без действия бесполезны. Поэма без революции — просто бумага.

Он сел за свой стол, зажег свечу и начал писать новую книгу. Не стихи — политический трактат. О том, какой должна быть Франция. О том, как построить справедливое общество. О том, как освободить народ.

«Дух Революции и Конституции Франции».

Он писал ночами, как и раньше. Но теперь его муза была не яростью. Его музой была надежда.

А где-то в Париже Камилл Демулен — сам того не зная — только что нажил себе смертельного врага. Пройдет четыре года, и Сен-Жюст вспомнит эту встречу. Вспомнит и подпишет ордер на его арест.

Но это будет потом.

А пока он просто писал. Писал, потому что верил: слова могут изменить мир. И он был прав. Просто мир, который они изменят, окажется совсем не таким, как он мечтал.

ГЛАВА IV. ТРОПА К ТРИБУНЕ

I

Блеранкур проснулся другим утром.

14 июля 1790 года. Праздник Федерации — первая годовщина взятия Бастилии. По всей Франции люди выходили на площади, чтобы поклясться в верности нации, закону и королю. Даже здесь, в маленьком пикардийском городке, где, казалось, время остановилось, на площади перед церковью собралась толпа.

Крестьяне в грубых рубашках, ремесленники с мозолистыми руками, торговцы, женщины с детьми на руках. Все смотрели на помост, где стоял человек, которого они знали с детства — сын старого капитана де Сен-Жюста, тот самый мальчик, что уехал в колледж и вернулся странным, молчаливым, с книгами под мышкой.

Теперь этот мальчик стоял перед ними — высокий, бледный, с холодными голубыми глазами. На нем был мундир командира Национальной гвардии Блеранкура. Его избрали всего месяц назад, несмотря на молодость. Вернее, благодаря ей — старики не хотели брать на себя ответственность в смутное время, а этот юноша, казалось, не боялся ничего.

Сен-Жюст поднял руку, и толпа затихла.

— Граждане! — его голос разнесся над площадью. — Сегодня мы собрались здесь, чтобы дать клятву. Но прежде чем мы сделаем это, я хочу сказать вам несколько слов.

Он говорил о свободе, о равенстве, о правах человека. О том, что старый порядок рухнул и никогда не вернется. О том, что теперь они — не подданные короля, а граждане Франции. Он говорил страстно, убежденно, но без жестов, без крика — его голос был ровным и холодным, как лезвие ножа.

— Мы должны помнить, — сказал он, — что свобода — это не праздник. Свобода — это труд. Это дисциплина. Это готовность отдать жизнь за то, во что мы верим.

Толпа слушала затаив дыхание. Старый мэр, стоявший у помоста, кивал седой головой.

Потом началась церемония. Сен-Жюст первым подошел к алтарю Отечества — деревянному сооружению, украшенному трехцветными флагами — и произнес слова клятвы:

— Клянусь быть верным нации, закону и королю. Клянусь защищать Конституцию. Клянусь отдать жизнь, если потребуется, ради свободы.

Но когда он произносил слово «королю», его губы едва заметно дрогнули.

Он уже знал то, чего еще не знала толпа: король — враг. Не друг нации, не символ единства, а враг, которого нужно уничтожить. Но говорить это вслух в июле 1790 года было еще рано. Даже для него.

II

После церемонии он остался на площади.

К нему подошли люди — крестьяне, торговцы, ремесленники. Они жали ему руку, хлопали по плечу, благодарили за речь. Одна женщина, старая вдова, сказала:

— Ваш отец был бы горд вами, господин де Сен-Жюст.

Он покачал головой:

— Не называйте меня «господином». Я гражданин. Просто гражданин.

Это было не просто слово. Это был принцип. Через несколько месяцев он официально откажется от дворянской частицы «де» в своей фамилии и будет подписываться просто «Сен-Жюст». Позже, в эпоху Террора, это спасет ему жизнь — но пока он об этом не знал.

В толпе стояли и враги. Люди в черных плащах, подсланные местными аристократами — теми, кто еще надеялся, что Революция захлебнется и все вернется на круги своя. Они слушали его речь и переглядывались. Они уже тогда поняли: этот юноша опасен.

Когда Сен-Жюст начал говорить о свободе совести, один из них выкрикнул:

— Богохульство! Он оскорбляет Господа и короля!

Толпа заволновалась. Кто-то закричал в ответ, кто-то попытался пробиться к крикуну. Началась давка.

Сен-Жюст поднял руку. И — странное дело — толпа затихла.

Он спрыгнул с помоста, подошел к человеку, который кричал. Это был слуга графа де Ларошфуко — одного из самых влиятельных дворян в округе.

— У вас есть что сказать мне в лицо? — спросил Сен-Жюст. — Или вы предпочитаете кричать из толпы, как трус?

Слуга побледнел. Он попытался что-то ответить, но слова застряли в горле.

Сен-Жюст повернулся к толпе.

— Вот они! — крикнул он. — Те, кто хочет вернуть нас в прошлое! Те, кто хочет, чтобы мы снова были рабами! Они прячутся в толпе и сеют смуту, потому что боятся открытого боя!

Он подошел к костру, который разожгли для праздника, и швырнул в огонь пачку контрреволюционных памфлетов, которые нашли у одного из заговорщиков. Языки пламени взметнулись вверх, пожирая бумагу.

Сен-Жюст протянул руку над огнем.

— Я клянусь! — произнес он громко. — Я погибну в огне, но не предам свободу! Я погибну, но не отрекусь от своих убеждений!

Толпа взорвалась криками восторга. Старый мэр, вытирая слезы, подошел к нему и положил руку на плечо:

— Молодой человек, я знал вашего отца, вашего деда, вашего прадеда. Вы достойны их. Если вы будете продолжать так же, мы увидим вас в Национальном собрании.

Сен-Жюст посмотрел на мэра и впервые за этот день улыбнулся.

— Вы увидите меня там, — сказал он. — Это я обещаю вам.

III

Но до Национального собрания было еще далеко.

Пока что Сен-Жюст оставался в Блеранкуре — командир местной Национальной гвардии, начинающий политик, автор скандальной поэмы. Он продолжал писать — теперь уже не стихи, а политические трактаты.

Летом 1791 года он закончил свою вторую книгу — *«Дух Революции и Конституции Франции»*. Это был серьезный труд — анализ нового государственного устройства, предложения по реформам, размышления о природе власти и свободы. Никакой сатиры, никаких непристойностей. Только факты, аргументы и холодная, как сталь, логика.

Книга вышла в июне 1791 года и имела успех — гораздо больший, чем «Органт». Ее читали в Париже, в провинциях, в политических клубах. Имя Сен-Жюста начали произносить с уважением.

Он понимал, что пришло время действовать.

IV

В августе 1791 года были объявлены выборы в Законодательное собрание — новый парламент, который должен был прийти на смену Учредительному собранию. Сен-Жюст выставил свою кандидатуру.

Это была дерзость. Ему было всего двадцать три года. У него не было ни денег, ни связей, ни политического опыта. Его конкурентами были люди, которые занимались политикой десятилетиями — адвокаты, бывшие депутаты, местные нотабли. Но он верил в себя.

Он написал воззвание к избирателям — документ, который стоит процитировать целиком, потому что в нем — весь Сен-Жюст.

«Граждане! Я предлагаю вам свою кандидатуру в Законодательное собрание. Я молод, это правда. Но я честен. Я небогат, это правда. Но я неподкупен. У меня нет опыта, это правда. Но у меня есть принципы. Я не обещаю вам золотых гор. Я обещаю вам только одно:

я буду защищать ваши права до последней капли крови. Я буду голосовать по совести, а не по указке. Я буду помнить, что я — ваш слуга, а не ваш господин. Если вы хотите, чтобы вас представлял человек честный и неподкупный, голосуйте за меня. Если вы хотите, чтобы вас представлял богатый краснбай, голосуйте за кого-нибудь другого. Выбор за вами».

Он ездил по деревням, выступал перед крестьянами, отвечал на вопросы, спорил с оппонентами. Его холодная страстность производила впечатление. Люди чувствовали: этот человек не лжет. Этот человек верит в то, что говорит.

И когда в начале сентября подсчитали голоса, оказалось, что Сен-Жюст получил большинство. Он победил.

V

Но победа оказалась горькой.

Его конкуренты не сдались. Они нашли лазейку в законе. Согласно избирательному цензу, депутатом Законодательного собрания мог быть только гражданин, достигший двадцати пяти лет. Сен-Жюсту было двадцать три. Он родился 25 августа 1767 года, а выборы проходили в августе 1791-го. Ему не хватало двух лет.

Результаты аннулировали.

Сен-Жюст стоял перед зданием, где проходили выборы, и смотрел на толпу, которая расходилась. Некоторые пожимали ему руку, выражали сочувствие. Другие злорадствовали. Он не отвечал ни тем, ни другим. Он просто смотрел.

Время, — думал он. — Все дело во времени. Но время — это не враг. Время — это союзник.

Он повернулся и пошел прочь.

VI

Он вернулся в Блеранкур и сел за письменный стол.

Он не жаловался. Не искал виноватых. Он просто работал. Писал статьи, составлял петиции, переписывался с политическими клубами в Париже.

В мае 1791 года он написал письмо Робеспьеру. Это был рискованный шаг. Робеспьер был знаменит — депутат Учредительного собрания, лидер якобинцев, человек, которого называли Неподкупным. Сен-Жюст был никем — провинциальным юношей с репутацией скандального поэта.

Но он написал.

«Я не знаю вас лично, — писал он, — но я знаю вас по вашим речам, по вашим делам, по вашей репутации. Вы — человек, который не предал Революцию. Человек, который не продался двору. Человек, который верит в народ. Я восхищаюсь вами. Я хочу быть вашим соратником. Я посылаю вам свою книгу "Дух Революции и Конституции Франции". Прочитайте ее. Если вы найдете в ней что-то стоящее, я буду счастлив. Если нет — я буду продолжать работать».

Ответ пришел через месяц. Робеспьер писал коротко, но тепло:

«Я прочитал вашу книгу. Она превосходна. В ней есть глубина мысли и сила убеждения, редкие для вашего возраста. Продолжайте писать. Продолжайте бороться. Вы нужны Революции. Когда придет время, приезжайте в Париж. Я буду ждать вас».

Сен-Жюст перечитал письмо несколько раз. Потом аккуратно сложил его и спрятал в ящик стола.

Он понял меня, — подумал он. — Единственный человек, который понял.

VII

Год пролетел быстро.

1792 год. Революция набирала обороты. Король пытался бежать и был пойман в Варенне. Австрия и Пруссия объявили войну. Париж бурлил. Монархия агонизировала.

В августе 1792 года король был свергнут. Власть перешла к Национальному Конвенту, который должен был быть избран на основе всеобщего мужского избирательного права. Сен-Жюст снова выставил свою кандидатуру.

Теперь ему было двадцать пять. Ценз был соблюден.

Он снова ездил по деревням, снова выступал перед людьми, снова убеждал их голосовать за него. Но теперь у него был опыт первой неудачи. Теперь у него была поддержка Робеспьера. Теперь у него была репутация — не просто молодого бунтаря, а автора серьезного политического труда.

Пятого сентября 1792 года выборы состоялись. Шестого сентября были объявлены результаты.

Сен-Жюст победил.

Он стоял на площади в Блеранкуре, слушая, как толпа выкрикивает его имя. Его мать плакала — на этот раз от гордости. Сестры обнимали его. Старый мэр поднял бокал за его здоровье.

А он смотрел на дорогу, ведущую в Париж.

Я сделал это, — думал он. — Я сделал то, что обещал отцу. Я сделал то, что обещал матери. Я сделал то, что обещал себе.

Он поднял голову к небу и прошептал:

— Время на моей стороне.

VIII

Через неделю он сел в дилижанс и отправился в Париж.

Впереди был Конвент. Впереди была Революция. Впереди были друзья и враги, победы и поражения, слава и смерть. Он не знал этого. Или, может быть, знал — и просто не боялся.

Он смотрел в окно дилижанса на проплывающие мимо поля. Крестьяне работали, не поднимая голов. Они не знали, что в этом дилижансе едет человек, который скоро изменит их жизнь. Который отправит на гильотину короля и королеву. Который будет править Францией вместе с Робеспьером. Который умрет в двадцать шесть лет — молодым, красивым и страшным.

Они не знали. А он знал. Или догадывался. И все равно ехал вперед.

Я готов, — думал он. — Я готов к тому, что меня ждет. Я готов к победе. Или к смерти.

Дилижанс катился по пыльной дороге, увозя его в Париж. В бессмертие. В историю.

ГЛАВА V. ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ — И ВСЯ ВЛАСТЬ

I

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.